

Содержание

Введение	7
Глава 1. Дипломатическая служба лорда Чарльза Каткарта: задачи, инструментарий и возможности посла	29
1.1. Обмен посольствами между Лондоном и Петербургом и политические задачи британской и российской миссий в 1760-х годах	29
1.2. Жизнь и заслуги Чарльза, 9-го лорда Каткарта — военного и парламентария, ставшего дипломатом	40
1.3. Реализация задач посольства Ч. Каткарта	57
1.4. «Собирать сведения об империи»: информационные ресурсы британского посла	74
1.5. На языке этикета и церемониала: визуальная репрезентация дружбы дворов России и Британии	90
1.6. Британская миссия в Петербурге: сотрудники, курьеры и почта	114
Глава 2. Опора или бремя? Семья посла Каткарта	135
2.1. Леди Джин Каткарт — «дама великих достоинств»	137
2.2. Чтение в семье британского посла	162
2.3. Дети Каткартов в петербургский период их жизни	187
2.4. Кончина Джин Каткарт, завершение посольства и судьбы членов семьи после возвращения из России	209
Глава 3. Резиденции Каткартов в Петербурге: стиль жизни в «английском вкусе»	228
3.1. Зимний дом на Мойке	229
3.2. Дворец на Каменном острове — летняя резиденция семьи британского посла	241
3.3. Гости резиденций британского посла	251
3.4. Прислуга, няня и кормилицы в резиденциях британского посла	275
Заключение	288

Приложения

Приложение 1

Е.Б. Смилянская. Записки Джин Каткарт о Санкт-Петербурге. Взгляд просвещенной англичанки на самый нетипичный город Российской империи (предисловие к публикации) . . . 294

Леди Джин Каткарт. Записки о Санкт-Петербурге
(перевод с английского и комментарии
К.А. Левинсона и Е.Б. Смилянской) 317
Комментарии 406

Приложение 2

Е.Б. Смилянская. Парки Петербурга и английский парк в сочинении Чарльза Каткарта «Записка о возделывании земли и украшении Каменного острова» . 440

Чарльз, 9-й лорд Каткарт. Записка о возделывании земли и украшении Каменного острова
(перевод с французского и комментарии Е.Б. Смилянской) 446

Список сокращений 451

Список источников и литературы 452

Указатель имен 467

Список иллюстраций 489

Summary 491

Введение

Изучение истории международных отношений и истории дипломатии в последние десятилетия значительно изменилось под влиянием работ, опирающихся на культурологические, семиотические и культурно-антропологические подходы. Сформировалось целое направление, изучающее *дипломатическую культуру* Нового времени¹. Интерес к культурно-историческому ракурсу истории международных отношений в целом и дипломатии в частности определяется стремлением сочетать содержательный анализ текстов дипломатической переписки и международных трактатов с изучением *инструментов и механизмов* принятия решений, *языка условностей и церемониала* в международных отношениях разных эпох, *личного вклада* акторов международной политики. Важным для понимания методов и стратегий дипломатии становится анализ *гендерных и психологических особенностей* дипломатов и членов их семей, изучение *стиля жизни* в посольской миссии как фактора *культурного взаимодействия* различных стран.

В том, что касается *языка дипломатической культуры*, особое внимание в историографии последних десятилетий уделяется истории утверждения единого языка общения

1. См., например: *Lebow R.N.* A Cultural Theory of International Relations. Cambridge; New York, 2008; *Watkins J.* Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2008. Vol. 38. P. 1–14; *Bély L.* L'art de la paix en Europe: naissance de la diplomatie moderne, XVIe — XVIIIe siècle. Paris, 2015; *Diplomacy and Early Modern Culture* / Ed. by R. Adams, R. Cox. New York, 2011; *Practices of Diplomacy in the Early Modern World* / Ed. by T.A. Sowerby, J. Henning. London; New York, 2017. P. 1410–1800; *Mori J.* The Culture of Diplomacy: Britain in Europe 1750–1830. Manchester, 2011; Дипломатическая служба в России и Европе в Новое время // *История*. 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). <https://history.jes.su/issue.2023.3.9.9-131/?ysclid=mdu7shzkvb48760321> (дата обращения 02.08.2025) и др.

в дипломатической сфере. В западных странах с конца XVII века языком фиксации международных конвенций становится преимущественно французский, но параллельно формируется и общий символический язык этикета и церемониала, определявший правила поведения дипломатов, фиксирующий условности приема дипломатов при дворах европейских правителей. Этот язык осваивали при постоянных дипломатических представительствах, которые с XVII века пришли на смену краткосрочным посольским миссиям. Однако еще предстоит многое понять в том, менялся ли и как менялся символический язык дипломатии на различных поворотах международной политики, соблюдение или несоблюдение каких условностей могло прочитываться современниками как сигнал о смене приоритетов державы, как политические предпочтения могли влиять на культурные склонности монархов и моды при их дворах.

XVIII век — эпоха страстного увлечения театром, и *язык театра* с этого времени все чаще используется в политике и дипломатии: властители прописывали *сценарии* политической *игры*, у исполнителей в этом политическом *театре* были свои *амплуа*, при дворах Европы разные *роли* играли и представители дипломатического корпуса¹. Изучение дипломатии как *сцены политического театра* также таит пока нереализованные возможности.

Когда речь заходит о формировании *единого* языка дипломатической культуры, продолжают обсуждаться и вопросы о том, когда национальные особенности, сложившиеся при дворах Европы, в том числе в отношении дипломатического этикета, начинают уступать место общим нормам и правилам общения. Как завершился этот процесс «сближения», и насколько допускалось в этой сфере *двуязычие*: формальное при использовании французского и национальных языков (например, в обращении дипломата к правителю) и символическое в невербальных нормах общения (жестах,

1. См., например: *Welch E. R. A Theater of Diplomacy: International Relations and the Performing Arts in Early Modern France*. Philadelphia, 2017; *Early Modern Diplomacy, Theatre and Soft Power: The Making of Peace* / Ed. by N.R. de Carles. London, 2016.

целовании, поклонах и прочее)? К примеру, как это происходило в России? С одной стороны, едва ли кто-либо из дипломатов, пребывавших при «великолепном» дворе Екатерины II, сомневался, что он находится в *европейской державе*¹, однако и Петербург, и сама держава продолжали поражать оказавшихся там европейцев смешением цивилизованности и варварства. Как эти различия в космополитичной культуре императорского двора и «иной культуре» большинства имперских подданных «прочитывались» и воспринимались чужестранными министрами и как транслировались их соотечественникам?

В исследованиях по истории дипломатии пристальное внимание все чаще обращается и на персональный состав дипломатических миссий, на вклад отдельных сотрудников дипломатических представительств в решение больших и малых политических, экономических и культурных задач. Чтобы понять, как менялась дипломатическая служба во времени, представляется важным исследовать характер назначений на дипломатические должности, выяснить, какие приоритеты влияли на карьеры «министров» и клерков: были ли это родовитость, образованность, опыт, таланты, патрон-клиентские связи? Можно ли согласиться с заключениями о том, что в XVIII веке ведущую роль в реализации национальных интересов в дипломатической сфере продолжали играть преимущественно представители первых аристократических фамилий, которые составили влиятельный дипломатический корпус при европейских дворах², или постепенно они уступали позиции дипломатам с опытом и способностями, для которых дипломатия стала *профессией*? С вопросом о персональном составе дипломатических миссий возникает и вопрос об изменении, особенно с конца XVIII века, ролей и круга обязанностей супруг дипломатов, занимающих все более заметное место в придворном обществе.

1. См. подробно: *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал имперской России, XVIII век. М., 2012.
2. *Scott H.* Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, 2007. P. 58–85.

Сравнительное исследование инструментов дипломатии (не того, *что* решали дипломаты, а того, *как* они выполняли свои миссии) представлено в ряде вышедших в последние годы монографических трудов и сборников, в которых на конкретных примерах из истории дипломатических миссий европейских стран и Америки с XVI до XX века рассматриваются особенности этикетных форм и конфликтов вокруг церемониала, роль посольских даров, превращение дипломатических резиденций в места проведения сложной дипломатической игры и демонстрации культуры своих стран, изучается роль членов семьи дипломатического представителя в решении задач миссии¹. В таком ракурсе рассматриваются вопросы британской дипломатической культуры, к примеру, в яркой работе Дженнифер Мори².

Перспективы, которые открывает изучение дипломатической культуры для понимания места национальной дипломатии в общеевропейской международной политике, для анализа результатов культурного обмена и трансфера западноевропейских культурных и этикетных норм на восток Европы, успешно показал Ян Хеннингс, по сути, впервые используя методологию *культурной истории дипломатических отношений* для выяснения особенностей вхождения

1. Прежде всего при написании этой книги продуктивным было обращение к материалам сборников статей последнего десятилетия: *Practices of Diplomacy in the Early Modern World*. P. 1410–1800; *Women, Diplomacy and International Politics since 1500* / Ed. by G. Sluga, C. James. London; New York, 2016; *Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations* / Ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023.
2. *Mori J. The Culture of Diplomacy: Britain in Europe 1750–1830*. В монографии изучение широкого круга документов личного происхождения и дипломатической корреспонденции пятидесяти британских представителей в Европе второй половины XVIII — первой трети XIX века позволило автору показать роль семейных и патрон-клиентских связей в выборе на их посты дипломатов разного ранга, характер работы и материальную обеспеченность служащих посольских миссий, образование, круг чтения и семейное положение дипломатов, причины, по которым до конца XVIII века дипломатия была преимущественно преимущественно мужчинами, а с начала XIX века усилились женские роли (*ambassadrices* и посланницы не только стали *видны* при европейских дворах, но и оказывались важными фигурами в международной политике и культуре).

России на поле европейской политики во второй половине XVII — первой четверти XVIII века¹. Для Хеннингса очевидно, что еще до реформ Петра I Россия и Европа уже были частью единой церемониальной «семиосферы», и постепенно на дипломатический церемониал, как и на дипломатическую культуру, повлияли и сближение в понимании чести/бесчестья, и формирование общего «символического языка придворного общества».

Ныне становится ясно, что ответы на вопросы об особенностях дипломатической культуры разных стран и эпох приходится искать, значительно расширяя традиционную методологию изучения истории дипломатии, в том числе обращаясь к микроисторическим подходам, позволяющим через, на первый взгляд, реконструкцию «небольших» явлений и «частностей» увидеть прошлое «крупным планом»². Для этого придется не только вновь перечитать известные депеши, реляции, протоколы и договорные акты международной политики, но и исследовать новые, ранее не привлекавшие внимание источники личного происхождения (частную переписку, дневники и записки членов семей представителей дипломатического корпуса), изучить финансы миссии (счета, касающиеся аренды жилья и оформления резиденций, найма прислуги, приобретений книг и одежды), прессу, данные о круге общения дипломатов и прочее. Далеко не всегда поиск источников приносит убедительные результаты, но с источниками по дипломатической миссии британского посла лорда Чарльза Каткарта, как представляется, нам повезло. И поэтому, опираясь на микроисторические подходы, в этой книге мы ищем ответы на вопросы о специфике дипломатической культуры XVIII века и особенностях инструментария дипломатии, обращаясь к истории миссии этого

1. *Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.* Здесь же важный обзор современных исследований, созданных в рамках истории «дипломатической культуры» (р. 2–24).
2. Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории / Под общ. ред. М. Крома, Т. Заколлы, Ю. Шлюмбу. СПб., 2003.

британского посла ко двору Екатерины II с августа 1768 по июль 1772 года.

Чарльз Каткарт не является вовсе забытой фигурой в истории российско-британских отношений. Но так случилось, что его посольство, не принесшее важных договоренностей и результатов, многие годы казалось историкам малоинтересным и заслужило всего несколько страниц в специальных исследованиях по истории международных отношений. О Каткарте скупо писали и в обобщающих трудах, посвященных Екатерине II или британцам в России¹. Специальное внимание на посла Ч. Каткарта и его супругу обращали искусствоведы, отмечавшие их участие в приглашении в Россию британской фирмы «Веджвуд» и в императорских заказах этой фирме. Искусствоведы обращаются к изучению портретов членов семьи посла Ч. Каткарта, выполненных выдающимися мастерами XVIII века². В отечественной историографии в последние годы интерес к миссии Каткарта появился и у исследователей международных отношений, когда вышло несколько работ Т.Л. Лабутиной о посольской миссии Ч. Каткарта, основанных на опубликованных источниках, но эти труды, к сожалению, содержат значительное количество неточностей³.

Так сложилось, что выводы об успехе или провале дипломатической миссии как в политике, так и в историографии нередко делаются лишь с учетом достижений в переговорах или наличия ратифицированных соглашений. В этом миссия Каткарта принесла действительно мало плодов. Обращение здесь к истории миссии Чарльза Каткарта не призвано доказать ее провал или, напротив, успех и «исключительность». Цель нашего исследования в ином:

1. См. об этом в главе I.

2. Cross A. Catherine II, the Cathcarts, and Russian Anglophilia // *Courtly Gifts and Cultural Diplomacy: Art, Material Culture, and British-Russian Relations* / Ed. by L. Hardiman. Paderborn, 2023. P. 55–72; Чекарев В.М. Английский сервиз «Зеленая лягушка» и его роль в становлении отечественного пейзажного стиля // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2012. № 2. С. 130. Здесь же и основная библиография об этом сервизе.

3. См.: Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II: диалог и противостояние. СПб., 2019. С. 117–139.

рассмотреть детали и «мелочи жизни» европейского дипломата XVIII века, чтобы приоткрыть общее и указать на особенное в способах работы дипломата и методах решения дипломатических задач в Европе XVIII века.

Наш интерес к миссии Чарльза Каткарта в России зародился в связи с многолетним исследованием средиземноморской политики Екатерины II и истории Первой Архипелагской экспедиции российского флота¹. Все началось с поиска документов о вкладе графа И.Г. Чернышева и лорда Ч. Каткарта в найм и поддержку британских моряков, участвовавших в Архипелагской экспедиции. Этот поиск привел к изучению томов переписки, а затем и других источников личного происхождения, сохранившихся в фонде бумаг семейства Каткартов в Национальной библиотеке Шотландии (Эдинбург). Ценность данного собрания для изучения особенностей работы британского посла в России, инструментария дипломатической миссии, роли членов большой семьи посла в период пребывания в Петербурге трудно было переоценить, и исследование архива Каткартов дало импульс для дальнейших разысканий о семье британского посла в архивах и библиотеках Великобритании и России. В итоге сформировалась значительная источниковая база, позволяющая, на наш взгляд, представить различные стороны жизни и деятельности посла Ч. Каткарта в екатерининском Петербурге. Ниже приведены основные составляющие источникового комплекса этой книги.

Архив семьи Каткартов был размещен в Рукописном отделе Национальной библиотеки Шотландии (NLS. MS. Ass. 12686) Аланом Эндрю, 7-м графом (эрлом) Каткартом в октябре 2006 года и содержит бумаги, датирующиеся 1380–1905 годами. Об этом собрании семейных бумаг известно давно, хотя исследователи обращаются к нему нечасто².

1. *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.
2. Если судить по публикациям, то с архивом Каткартов в Национальной библиотеке Шотландии работали немногие, хотя в замечательном справочнике Энтони Кросса *In the Lands of the Romanovs*, как и в работах Кросса о Петербурге, материалы архива Каткартов

Впервые бумаги Каткартов были обследованы и описаны Комиссией Палаты общин Британского парламента еще в 1871 году¹. В 1951 году бумаги Каткартов были включены в Национальный регистр архивов (NRA 3495), там же были отмечены повреждения бумаг, случившиеся во время пожара 1939 года. С 1951 года и позднее бумаги несколько раз перемещались, и генерал-майор Алан, 6-й граф Каткерт (1919–1999) их по-новому организовал. Когда архив семьи Каткартов был передан в Национальную библиотеку Шотландии (NLS), многие бумаги уже были значительно повреждены. К тому же часть документов архива продолжает храниться в семье. Хотя объектом наших изысканий стали только бумаги, связанные с периодом пребывания Чарльза, 9-го лорда Каткарта в Петербурге, объем даже этой доступной части семейного архива впечатляет. В нее входят:

1. Дневники Джин/Джейн² Хамилтон (Гамилтон), в замужестве леди Каткерт, за 1745–1771 годы в 24 тетрадах (Асс. 12686/5. А-66).

2. Джин Каткерт. *Memoranda of St. Petersburg*/«Записки о Санкт-Петербурге» (название присвоено не автором), 1768–1770 годы в одной тетради (Асс. 12686/5. А-66).

упоминаются, хотя почти не цитируются (*Cross A. In the Lands of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge, 2014; об опубликованных материалах Каткартов см. р. 94–95); *Cross A. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-century Russia*. Cambridge, 1997. Р. 24, 25, 369). Также к архиву обращались искусствоведы, занимающиеся творчеством Томаса Гейнсборо в поиске документов о Мэри Грэм (урожд. Каткерт, дочери посла). См.: *Belsey H. Gainsborough's Beautiful Mrs. Graham*. Edinburgh, 2003.

1. Great Britain. Parliament. House of Commons. Reports from Commissioners: Twenty Three Volumes. Historical Manuscripts, Public Records. London, 1871. Vol. 20. Р. 25–29. Благодаря Александру Каталину Мендоса Перес, указавшую на эту публикацию описи.
2. В документах встречаются два варианта написания имени, Jean и Jane, однако здесь и далее мы придерживаемся шотландского варианта Джин, который приводится и в оксфордском издании Национального биографического словаря (*Oxford Dictionary of National Biography*. DOI: 10.1093/ref:odnb/4885).

3. Тетрадь расходов семьи Каткартов за 1764–1768 годы и книга счетов по дому за 1761–1766 годы (12686/5; 12686/36).

4. Книга счетов лорда Каткарта как посла в Россию, 1767–1771 годы (Асс. 12686/8).

5. Послания (отпуски, копии) в Петербург лорду Каткарту из Лондона от государственных секретарей и корреспонденция от посла Каткарта на имя государственных секретарей за 1768–1772 годы (Асс. 12686/9, 12686/10, 12686/11).

6. Письма посла Ч. Каткارت к британским дипломатическим представителям, 1769–1770 годы (Асс. 12686/12)³.

7. Письма от других послов и дипломатических представителей лорду Каткарту, 1768–1772 годы (Асс. 12686/13, 12686/15, 12686/16).

8. Послания Ч. Каткарту от британского посла в Константинополе Джона Марри (*Murray*), 1770–1771 годы (Асс. 12686/14).

В этой книге мы чаще всего цитируем *дневники Джин Хамилтон/Каткарт*, которые позволили впервые исследовать не только дипломатическую историю, но и раскрыть особенности жизни всей семьи британского посла в Петербурге, а потому стоит остановиться на этом важном источнике подробнее. Джин вела дневники почти всю сознательную жизнь, и в семейном архиве сохранились ее дневниковые тетради с 19-летнего возраста до самой смерти. Листы дневников не нумерованы, поэтому ниже мы ссылаемся на них, только указывая дату. Она писала мелким почерком, чаще по-французски, реже по-английски, в два столбца в тетрадки размером с ладонь (8°), которые помещались в кармане⁴. Над страницами дневников она размышляла о Боге, о «разумности» и пользе прожитого дня,

3. Корреспонденция Каткарта, содержащаяся в Асс. 12686/9, 12686/10, 12686/11, Асс. 12686/12, представляет собой отпуски (копии) писем, оригиналы которых хранятся в фонде государственных бумаг Национального архива Великобритании (о них — далее).

4. Запись в дневнике Джин Каткарт 12 сентября 1770 года: «Помню, как с любовью и пользой читала милые и поучительные письма мадам де Севинье, которые меня привязали к себе и помешали заснуть руку в карман, чтобы достать этот дневник».

записывала чувства и эмоции, заботы и впечатления от увиденного и прочитанного. Когда за полтора месяца до своей кончины Джин Каткарт узнала, что ее дочь Мэри тоже начала вести дневник, то написала о своем понимании того, зачем сама всю жизнь поверяла дневнику мысли и чувства, коря себя всякий раз, когда заботы или болезни заставляли ее пропускать эти ежедневные «упражнения»:

22 сентября 1771 года. Моя дорогая дочь, моя сладкая ученица очаровательная Мэри только что поведала мне, что начала вести дневник, подобный моему, следуя советам, которые я ей давала. Она показала мне свои записи. Признаюсь, я удивлена, бесконечно приятно удивлена, и это превосходит все мои ожидания. Я знала, что она благочестива, но теперь понимаю, что она в высшей степени благочестива и что она достигает истинного понимания того, какими должны быть ежедневные духовные упражнения. <...> эти упражнения приближат ее к совершенству и не позволят тем ее недостаткам, которых я опасаясь, сделать ее несчастной <...>. Увы, я нахожу себя неисправимой, но я никогда не отчаиваюсь и стараюсь быть лучше. Так проходит моя жизнь — с падениями и взлетами, которые следуют за моим раскаянием. Я всегда ожидаю лучшего от будущего, чего-то, чего я никогда не испытывала в прошлом, и страстно желаю, чтобы после раскаяния во мне происходили ожидаемые изменения. Этот дневник, насколько это возможно, будет моим верным свидетелем и будет говорить за или против меня.

В круге образованных английских и шотландских дам высшего общества, за которыми утвердилось название *Bluestockings* («Синих чулков»), ведение дневников, обширной переписки и подробных записей путешествий (travelogues) было скорее правилом, нежели исключением, на этих текстах оттачивался литературный стиль, дисциплина и умение анализировать *разумность* прожитого. Такие дневники, к примеру, вела племянница Джин Каткарт Мэри Хамилтон (в замужестве Дикинсон), эти и другие рукописные дневники в последние годы начинают активно

[illegible]

Ил. 1. Страница дневника Джин Каткарт. Июль 1769 года

исследоваться и публиковаться¹. Однако в 1871 году, когда парламентская комиссия описывала архив Каткартов, дневники леди Джин оказались членам комиссии «не представляющими общественного интереса»² и надолго оказались полузабытыми. Между тем дневники Джин Каткарт за 1768–1771 годы являются ценным источником для реконструкции повседневной жизни посольского семейства в России, они позволили установить круг общения посла, выяснить особенности стиля жизни в зимней и летней резиденциях, создать психологический портрет леди Джин, понять чувства и эмоции членов семьи, восстановить круг чтения и прочее и прочее. В книге широко цитируются переводы с французского фрагментов дневниковых записей 1753 года³, 1768–1771 годов.

После приезда в Россию Джин Каткарт, продолжая вести дневники на французском, завела отдельную тетрадь, записывая в нее на английском сначала общие статистические сведения о Российской империи (вероятно, полученные ее супругом-послом с инструкциями и прочими бумагами его миссии), а затем в хронологическом порядке свои впечатления по пути в Россию (со 2 августа (н.с.) 1768 года), заметки и наблюдения о жизни российской столицы. Записи обрываются на сообщении от 7 (18) ноября 1770 года. Эта тетрадь (28 листов/56 страниц в два столбца с оборотами) не имеет авторского названия, поэтому вслед за составителями каталога архива Каткартов мы будем называть ее «Записки о Санкт-Петербурге» (*Memoranda of*

1. См. об этом: *Voloshkova N.* *Bluestockings and Travel Accounts*. Reading, Writing and Collecting. Cambridge, 2021; *Bluestockings Displayed: Portraiture, Performance and Patronage, 1730–1830*. New York, 2013; *Reconsidering the Bluestockings* / Ed. by N. Pohl, B.A. Schellenberg. San Marino, CA, 2003.
2. В описи отмечены: 23 дневника, форматом в 8° и 4°, *nothing of public interest* (Great Britain. Parliament. House of Commons. Reports from Commissioners. P. 25).
3. Записи 1753 года были выделены и скопированы в 1770-х годах одной из дочерей Джин Каткарт потому, что в них содержится история знакомства родителей, свидетельства о начале их счастливой семейной жизни. Для изучения истории эмоций записи 1753 года являются поистине замечательным источником.

St. Petersburg). Эти «Записки» впервые полностью переведены с английского и публикуются с комментариями в приложении к настоящей книге.

Как и дневники, «Записки» Джин Каткарт не имеют ни авторской, ни архивной нумерации листов, но записи в них вносились в хронологической последовательности с указанием дня, а также иногда месяца и года. Так и мы ссылаемся в тексте на дневники и «Записки», не указывая общего для них архивного шифра (NLS. MC. Acc. 12686/5. A66)¹.

Книга доходов и расходов семейства Каткарт за 1764–1769 годы в кожаном переплете (формат 2°; Acc. 12686/5), записи в которой контролировала хозяйка дома леди Джин, содержит уникальную информацию, едва ли доступную по другим источникам: от расходов на домовладение (*household*) в Британии и в России (примечательно, что дом Каткартов на Мойке удалось локализовать по упоминанию в этой книге: *To gen. Gleboff for half a year rent of the House at Petersburgh — 975 rub.*) до сведений о покупке книг и нот, оплате уроков детей, одежды, мехов, приобретении мебели и лошадей и прочее и прочее. В книге сохранились имена докторов, зубных техников, портных и учителей танцев, банкиров и дворецких Каткартов, получавших значительные суммы наличными на удовлетворение нужд семейства.

Значительную часть архива Чарльза Каткарта за период его посольства в Россию составляет *дипломатическая переписка*, аккуратно разобранная и переплетенная. Тома переписки состоят из оригиналов депеш государственных секретарей и «отпусков» депеш самого Каткарта, вероятно, составлявшихся перед их шифрованием (12686/11), а также из обширной корреспонденции Ч. Каткарта с британскими дипломатами по всей Европе, включая Константинополь. Каткарт вернулся из России в 1772 году с тысячами листов этой корреспонденции, и, хотя от посла требовали передать всю корреспонденцию его преемнику в Санкт-Петербурге

1. В нашем распоряжении были цифровые копии высокого разрешения дневников и «Записок», приобретенные в Национальной библиотеке Шотландии в 2018 и 2019 годах.

Роберту Ганнингу, он категорически отказался это требование выполнить и со всеми бумагами погрузился в Кронштадте на присланный за ним военный фрегат. Самое удивительное, что он так и не передал эту секретную корреспонденцию (прежде всего именно переписку с дипломатами при дворах Европы) в *Foreign Office*, а, уйдя от дел, перевез ее в свое имение и сохранил в семейном архиве.

Вся переписка Чарльза Каткарта с офисом государственных секретарей по Северному департаменту хранится в фонде Государственных бумаг (SP — State Papers) Национального архива Великобритании (TNA. SP. 91. [Дела] 79–90). За период с июля 1768 года по июль 1772 года переписка Каткарта только с офисом государственных секретарей составляет более трех тысяч листов: то есть Каткарт своим непосредственным руководителям отправлял от 80 до 105 нумерованных депеш в год, а помимо них «частные письма» и бумаги.

Известно, что депеши и реляции британских дипломатов екатерининского времени еще в конце XIX века были изданы в Сборнике Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО. Т. 12, 19) и давно были оценены как источник по истории международных отношений. Однако предпринятая под редакцией А.А. Половцова публикация в СИРИО имеет свои особенности: советник российского посольства в Лондоне М.Ф. Бартоломей, копировавший документы в Британии, произвел первый отбор материалов, бумаги проходили цензуру Британского МИДа, затем перед публикацией и российскую цензуру. Хотя в предисловиях к томам публикаций СИРИО утверждается, что купюры в подготовленных к публикации бумагах были незначительны, проведенная нами сверка с материалом фонда Государственных бумаг (*State Papers*) показывает, что это не так. Из публикации СИРИО выпало примерно от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$ текстов, к которым с тех пор редко обращаются даже британские ученые. А в них есть еще немало важных подробностей, не только уточняющих, но и меняющих утвердившиеся представления о российско-британских отношениях и о британских оценках России.

Пока это удалось проверить и доказать в ходе работы с донесениями Чарльза Каткарта в Национальном архиве Британии. Такая же работа с документами других посольств еще ждет своего исследователя.

Дипломатическая корреспонденция, включая переписку Ч. Каткарта, важна не только сохранившимися в ней сведениями о предпринятых шагах при реализации задач дипломатических миссий второй половины XVIII века. Эта корреспонденция позволяет оценить, как пересылаемая послами информация влияла на формирование имиджа Российской империи и определяла политику западных держав. Дипломаты создавали коллективный портрет страны. Каждый вновь назначаемый посол или посланник получал доступ к секретной корреспонденции своих предшественников и на ее основании ориентировался в хитросплетениях событий и лиц вокруг трона российской императрицы. По прибытии в Россию новый «министр» приносил в корреспонденцию свое видение и авторский стиль, зависящие от степени информированности, политических и культурных пристрастий, наконец, психотипа и меняющихся эмоциональных состояний дипломата. А потому то, что вызывало энтузиазм у одного (как, например, Уложенная комиссия вначале у Джорджа Макартини), вскоре получало скептические и даже насмешливые оценки у его преемника. Отсюда и нередкая в депешах противоречивость суждений относительно правления Екатерины — доставлявшая лондонскому кабинету немало забот. Поэтому в своем исследовании мы опирались не только на анализ дипломатической корреспонденции посольства Каткарта, но и на всю цепь посланий британских дипломатических представителей за первое двадцатилетие правления Екатерины II.

Информированность российской стороны о деятельности британских дипломатических представителей и ответные шаги, предпринимаемые Коллегией иностранных дел (КИД) и лично первоприсутствующим Коллегии графом Н.И. Паниным в отношении конкретных лиц и британских политических инициатив, исследовались нами

преимущественно на основании *бумаг Архива внешней политики Российской империи* (АВПРИ) фондов Сношения с Англией (35/6), Лондонская миссия (36/1), а также Секретнейшие дела, перлюстрации (Ф. 6/2) и некоторых других. В первых двух фондах хранятся переписка с послом России в Лондоне графом И.Г. Чернышевым, с посланником А.С. Музиным-Пушкиным, документы, касающиеся переговоров графа Н.И. Панина и лорда Ч. Каткарта о церемониале первой аудиенции посла и его супруги, о союзном договоре России с Великобританией, о событиях в Константинополе и прочее. Среди этих бумаг оказалась и публикуемая в приложении записка Ч. Каткарта об английских парках и обустройстве Каменного острова. Фонд перлюстрации содержит копии с переводами корреспонденции Ч. Каткарта и несколько писем к членам его семьи, проходивших через почтовую службу Российской империи. Секретные части перлюстрированных депеш так и остались зашифрованными цифирью. Вероятно, шифр не был раскрыт (те же зашифрованные депешы с расшифровками хранятся в ТНА); частная переписка семьи Каткартов, судя по всему, в основном передавалась через курьеров или через направлявшихся в Британию доверенных лиц из числа путешественников, капитанов судов, купцов, а потому в фонде перлюстрации сохранились лишь редкие письма этого рода.

Из *опубликованных источников и английских травелогов*, к которым мы обращались, важно отметить сочинение о России предшественника Каткарта Джорджа Макартни, созданное в 1768 году как отчет о его посольстве и опубликованное малым тиражом в Лондоне. Этот отчет Каткарту переслали из Лондона, когда он уже был в России. Очевидно, что в семье лорда Каткарта предпочитали более умеренную критику России и начинаний императрицы, чем это сделал Макартни.

Семейству Каткартов мы обязаны весьма содержательным сочинением о России, которое издал наставник детей Каткартов Уильям Ричардсон. Выпускник университета Глазго Ричардсон был приглашен к Каткартам еще в 1767 году и был при старших сыновьях Каткартов в Итоне,

а затем отправился с семейством в Петербург. Очевидно, Ричардсон, не имевший дипломатической должности, был для Каткарта и секретарем, и «глазами и ушами». Находясь в тени вельможного посла, наблюдательный Ричардсон смог многое повидать, возможно, обсудить с посольской четой. Ричардсон — автор сочинения в письмах о России (*Anecdotes of the Russian Empire, in a Series of Letters*). Правда, он опубликовал его только через двенадцать лет после своего возвращения из России, когда Ч. Каткарт уже умер, а сам Ричардсон преподавал в университете в Глазго. Э. Кросс выделяет данное сочинение, отмечая его интеллектуальную глубину¹. Хотя Каткарта уже не было в живых, его фамилия в сочинении Ричардсона почти не упоминается, зато многие детали, отмеченные в письмах-«анекдотах о Российской империи», удивительным образом дополняют пестрое полотно, сотканное дипломатической корреспонденцией и личными записками лорда и леди, поэтому можно предположить, что «Анекдоты» Ричардсона родились не без влияния разговоров о России, которые велись в резиденции британского посла.

Визуальные материалы. Помимо письменных источников Каткарты оставили замечательную коллекцию семейных портретов, выполненных выдающимися мастерами Джошуа Рейнольдсом и Томасом Гейнсборо, Мари-Анн Колло и Иоганном Цоффани (?), Дэвидом Алленом и Джорджем Ромни². Выдающейся работе Гейнсборо — портрету Мэри Грэм (урожд. Каткарт) мы обязаны двумя изданиями, содержащими не только визуальные материалы, но и публикацию документов. В 1927 году Маргарет Макстон-Грэм опубликовала книгу, основанную на документах семейного архива Грэмов, в котором сохранилась обширная переписка детей Чарльза и Джин Каткарт с их сестрой Мэри и ее мужем Томасом Грэмом³. В работе приводятся несколько

1. Cross A. By the Banks of the Neva. P. 347–348.
2. Самая большая подборка портретов Каткартов приводится в кн.: Belsey H. Gainsborough's Beautiful Mrs. Graham.
3. Maxtone-Graham M.E. The Beautiful Mrs. Graham and the Cathcart Circle. London, 1927.

писем петербургского периода леди Джин и лорда Каткарта к друзьям в Британии, а также биографические заметки о судьбах семерых детей Каткартов, бывших с ними в России. Хью Белси, известный специалист по творчеству Гейнсборо, также опубликовал материалы о семействе Каткартов и Грэмов, представив портретную галерею членов этой семьи.

Часть визуальных материалов, позволивших судить о резиденциях Каткартов на Мойке и на Каменном острове, хранится в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ) — это план реконструкции Каменного острова (возможно, приложенный к «Записке» Ч. Каткарта) и аксонометрический план Петербурга 1765–1773 годов (план де Сент-Илера и др.)¹. При описании резиденции на Каменном острове были использованы также известные гравюры М.И. Махаева².

* * *

Книга была задумана и написана Е.Б. Смилянской за исключением раздела «Чтение в семье Каткартов», подготовленного Е.Ю. Моряковым.

В настоящем издании переводы с английского выполнены Е.Б. Смилянской; перевод «Записки о Санкт-Петербурге» (приложение 1) выполнен совместно Е.Б. Смилянской и К.А. Левинсоном.

Если существуют переводы с английского публикуемых нами документов (например, в СИРИО), то мы приводим переводы по этим авторитетным публикациям, сверив их с доступными нам оригиналами (ГНА).

Некоторые письма и депеши, перлюстрированные в Коллегии иностранных дел, имеют переводы, выполненные сотрудниками КИД, — в этом случае, дабы сохранить дух

1. Издан: Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 годов: план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др. / Сост. Т.П. Мазур. СПб., 2003.
2. Петербург Михаила Махаева: Графика и живопись второй половины XVIII века: Каталог / Сост. Е.И. Гаврилова и др. СПб., 2022.

эпохи, мы приводим именно эти переводы XVIII века с соответствующими отсылками к фонду перлюстраций (АВПРИ. Ф. 6).

Обращение к рукописным дневникам Джин Каткарт потребовало выполнить значительный объем переводов с французского. За три года пребывания в России леди Джин Каткарт исписала бисерным почерком на французском четыре тетради (более 600 тысяч знаков). Плохая сохранность дневников, а также непростая палеография рукописей требовали долгого труда коллектива молодых исследователей и студентов Е.Ю. Морякова, А.К. Мендоса Перес, М.Д. Аксеновой и В.А. Растворова, и без их вклада, вероятно, этой книги не было бы. Возможно, в будущем весь объем переводов дневников Джин Каткарт увидит свет, но читатель настоящей книги уже может оценить значимость этого источника.

Перевод с французского «Записки о возделывании земли и украшении Каменного острова» Чарльза Каткарта (приложение 2) подготовлен Е.Б. Смилянской при участии Н.Ю. Плавинской и С.Ю. Завадовской.

Во всех переводах знаки препинания, а также прописные буквы ставятся согласно современным нормам русского языка (например: Ваше императорское величество, Ее величество, Коллегия иностранных дел, великий князь и прочее). Авторские подчеркивания при переводе были сохранены. *Везде курсив наш.*

Квадратные скобки в переводе означают примечания переводчиков и специально в каждом случае не оговариваются.

Угловые скобки используются при сокращении оригинального текста источника.

Круглые скобки при переводе сохранены; также в круглых скобках курсивом в отдельных случаях приводятся английские соответствия в оригинальном тексте.

Даты в тексте приводятся так, как они даются в оригинале. В депешах, отправляемых в Лондон из России, использовались две даты по юлианскому и по григорианскому календарям. В XVIII веке разница дат по юлианскому и григорианскому календарям составляла одиннадцать

дней. В дневниках и записках Джин Каткарт после приезда в Россию вскоре отказалась от использования дат одновременно по юлианскому и григорианскому календарям, перешла на юлианский календарь, лишь изредка делая пометы *n<ew> st<yle>, old style*. В этих случаях, а также там, где в тексте источника есть указания на оба календаря (например, для религиозных праздников англиканской церкви), приводятся обе даты.

Поскольку листы в рукописных дневниках и «Записках о Санкт-Петербурге» леди Каткарт не имеют архивной нумерации, мы приводим в круглых скобках только дату цитируемой записи. Там, где дата в рукописи сокращена, дается ее полная расшифровка (например, в рукописи стоит «28», а в нашей публикации: 28 ноября 1769 года).

Имена, встречающиеся в текстах «Записок», депеш и дневников, в переводе даются без искажений, допущенных автором при транслитерации или записи со слуха. В случаях серьезного искажения имен мы сочли необходимым привести латиницей имя, как в оригинале. Большинство имен, упоминаемых в источниках, кратко откомментированы. Английские имена и фамилии приведены согласно справочникам А.И. Рыбакина¹. В тех случаях, когда существуют принятые в историографии написания некоторых фамилий, отличные от рекомендованных в справочниках А.И. Рыбакина, при первом упоминании они приводятся в скобках и вынесены в именной указатель (это касается таких фамилий, как Хамилтон/Гамильтон, Марри/Мюррей, Поукок/Покок и некоторых других).

Пунктуация и орфография при цитировании архивных документов на русском языке приводятся согласно Правилам издания исторических источников XVIII века.

Подготовка монографии осуществлялась в рамках проекта «Россия и русские в корреспонденции и дневниках британских дипломатов при дворе Екатерины II» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» Факультета

1. *Рыбакин А.И.* Словарь английских личных имен. 2-е изд. М., 1989; *Он же.* Словарь английских фамилий: Около 22700 фамилий. М., 1986.

гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» в 2022–2024 годах.

При подготовке монографии часть вошедших в книгу материалов и исследований была опубликована в виде статей¹, но здесь в ранее публиковавшиеся тексты внесены существенные исправления.

Рукопись издания обсуждалась в Центре по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН); ценные комментарии и пожелания, высказанные коллегами, позволили избежать ряда существенных погрешностей и были с благодарностью приняты.

Авторы считают приятным долгом поблагодарить коллег за ценные советы, которые способствовали подготовке этого издания. Юлия Лейкин при поддержке Университета Экзетер организовала поездку Е.Б. Смилянской в Англию для работы в Национальном архиве Великобритании и всегда откликалась на возникавшие во время нашей работы вопросы и просьбы. Вера Александровна Витязева, Мария Ди Сальво, Анна Сергеевна Корндорф поделились своими исследованиями и наблюдениями, которые позволили прояснить немало деталей при переводе «Записок о Санкт-Петербурге» и «Записки о возделывании земли и украшении Каменного острова» и отразить это в комментариях.

Мы выражаем также неизменную благодарность за помощь и советы Евгению Петровичу Абрамову, Евгению

1. *Смильская Е.Б.* Англофилия Екатерины II и «исключительное посольство» лорда Каткарта в Санкт-Петербург в 1768–1772 годах // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2019. Vol. 12. P. 224–244; *Она же.* Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1255–1273; *Она же.* «Le jardin Anglais» на Каменном острове: о вкладе британского посла в распространение английского вкуса в екатерининское время // *Человек и власть в России XVII–XVIII веков: сб. ст. к семидесятилетию Евгения Викторовича Анисимова*. СПб., 2022. С. 325–344; *Она же.* Информаторы, шпионы и агенты британского посла в екатерининской России // *История*. 2023. Т. 14. Вып. 9 (131). DOI: 10.18254/S207987840028139-1; <https://history.jes.su/s207987840028139-1/>; *Она же.* Милое семейство британского посла в Петербурге и «большая политика» Екатерины II // *История*. 2024. Т. 15. Вып. 6 (140). DOI: 10.18254/S207987840031743-6; <https://history.jes.su/s207987840031743-6-1/> (дата обращения 03.08.2025).

Владимировичу Акельеву, Ольге Виленовне Волосюк, Виктору Михайловичу Дзевановскому, Анастасии Александровне Жирковой, Александру Борисовичу Каменскому, Сергею Яковлевичу Карпу, Галине Александровне Космолинской, Ольге Евгеньевне Кошелевой, Арине Дмитриевне Новиковой, Надежде Юрьевне Плавинской, Марии Александровне Петровой, Сергею Викторовичу Польскому, Юлии Витальевне Ткаченко, Татьяне Алексеевне Тутовой, Игорю Игоревичу Федюкину, Ольге Владимировне Хавановой.